

FUTUROCRACY

ФУТУРОКРАТИЯ

ПЕРВАЯ КНИГА ПО НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

— T.E.O. —

ВИДЕТЬ
ПРИЧИНЫ

ПОНИМАТЬ
СИСТЕМЫ

ОБЪЕДИНЯТЬ
ЛЮДЕЙ

СТРОИТЬ
БУДУЩЕЕ

Станислав Тэо

Футурократия

«Автор»

2026

Тэо С.

Футурократия / С. Тэо — «Автор», 2026

«Футурократия» — манифест о том, почему привычные политические системы устроены так, что наверх поднимаются люди с приглушённой эмпатией, и что можно построить вместо этого. Как медиа, деньги и страх делают общество разобщённым и управляемым — и каким может быть устройство, где власть доверяют проверяемому механизму, а не человеку с рычагом. Футурократия соединяет демократию, меритократию, защиту от психопатов, сохранение опыта и открытый код. Не лозунг, а чертёж.

© Тэо С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0. Предисловие	5
Почему «ты»	6
Глава 1. Что-то сломалось — и ты это чувствуешь	7
А ведь как просто всё казалось	8
Довольны ли люди демократией?	9
Голосование родами	11
А виноват — ты	13
А кто наверху?	14
Куда смотрят политики, когда работают	15
Сложим всё вместе	16
А в других системах?	18
И всё-таки	19
Источники к главе 1	20
Глава 2. Рецепт разобщённого бессильного общества и избирателя	22
Никто не сидит в тёмной комнате	23
На чём это паразитирует	24
Страх из телевизора	26
Новость и старость	27
Из ленты вырастает не настроение, а фильтр	28
Они даже не злые	30
Субкультуры страха	32
Но я же могу выйти из этого	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Станислав Тэо

Футурократия

Глава 0. Предисловие

В истории жизни есть момент, который повторялся много раз. Условия вокруг вида резко меняются — и у него остаётся ровно два пути. Либо он быстро меняется сам, перестраивается под новую реальность. Либо исчезает. Третьего эволюция не предлагает.

Похоже, человечество подошло к такому моменту.

Эта книга — новый взгляд на то, что происходит в мировой политике. Взгляд, который позволяет увидеть риски, нависшие над человечеством, под другим углом — и объяснить привычные, намозолившие глаза проблемы совершенно по-новому. Не «плохие политики», не «продажные элиты», не «враги вокруг». А устройство, внутри которого все эти проблемы возникают сами, закономерно — и которое можно описать, понять и поменять.

И самое интересное — из этого взгляда вырастает не очередное «нужно что-то делать», а конкретный **новый тип политического движения**: с ясными целями, понятными задачами и реальными планами. Не лозунг, а чертёж.

ВНИМАНИЕ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Читатель, спрошу тебя как Нео из фильма «Матрица». Перед тобой две таблетки.

Синяя — закрыть книгу прямо сейчас и пойти дальше, как раньше. Привычный, удобный мир — с плохими и хорошими политиками, с партиями, в которые можно верить, со спасителями, с плохими людьми вокруг и привычными истинами. Утром проснёшься в своей постели, и всё останется как было. Никто тебя не осудит.

Красная — прочесть эту книгу до конца. Назад дороги не будет: ты увидишь, как всё устроено на самом деле — как формируется то, что ты считаешь своим выбором, кто и зачем стравливает тебя с соседом, куда на самом деле движется мир. Какой бы неудобной ни оказалась эта правда. И ещё кое-что: многое из того, что раньше казалось тебе истиной и нормой в политике, начнёт вызывать у тебя широкую улыбку — потому что ты увидишь, как оно устроено изнутри.

Обещаю тебе вот что. Если ты выберешь красную и честно, всерьёз над книгой задумаешься — твоя жизнь не будет прежней. Ты уже не сможешь смотреть на новости, на выборы, на политиков и на грызню в комментариях прежними глазами. Что-то щёлкнет — и обратно не выщёлкнется.

Синяя таблетка всегда при тебе. Но если ты читаешь дальше — значит, выбрал красную. Добро пожаловать! Скоро ты увидишь, глубока ли кроличья нора...

Почему «ты»

Эта книга обращается к читателю на «ты».

Это не панибратство и не литературный приём. Это позиция.

Я считаю, что проблема, о которой здесь написано, — это личная проблема девяти читателей из десяти. Не «общественная», не «политическая», не «системная» в том отвлечённом смысле, который позволяет читать про неё в газете и закрывать газету. Личная. Твоя.

То, что у тебя растут цены, а зарплата не растёт. То, что ты боишься выходить вечером на свою же улицу. То, что ты не отпускаешь детей гулять во двор, как тебя самого отпускали. То, что твоя работа может исчезнуть, и тогда непонятно, что делать. То, что ты глядишь на детей и знаешь, что им будет хуже, чем тебе. То, что ты, может, и знаешь, за кого хотел бы проголосовать — но тебя уже кидали, и не раз. То, что законы как будто написаны против тебя — налоги, тарифы, правила, штрафы, всё устроено так, что простому человеку остаётся меньше, а виноват в этом почему-то ты. То, что ты устал от новостей, но без новостей чувствуешь себя слепым.

Это всё не «фон эпохи». Это происходит с тобой, в твоей квартире, твоими нервами, твоими бессонными ночами.

Поэтому «вы» здесь было бы враньём. «Вы» — это когда докладчик стоит на сцене, а аудитория сидит в зале. У нас не так. У нас один и тот же мир, одни и те же страхи, и я пишу не *вам*, а *тебе*, потому что происходящее касается всех нас.

Если ты из тех десяти процентов, у кого всё хорошо — у тебя есть капитал, охрана, нужные знакомства, и тебе кажется, что описанное здесь тебя лично не касается, — эта книга всё равно для тебя. Просто по другой причине: потому что мир, в котором у девяти из десяти всё плохо, рано или поздно становится миром, в котором плохо всем. Включая десятого. История это показала много раз. Хоть, как и говорят, она нас ничему не учит.

А если ты из тех девяти — ты не один. Нас много. И первая работа этой книги — чтобы ты это почувствовал.

И ещё одно — это нужно сказать сразу, чтобы не висело недосказанным.

Сейчас, в 2026 году, у многих людей есть фоновое чувство надвигающейся беды. Не у параноиков и не у любителей конспирологии — у обычных людей, которые просто открывают новости и смотрят в окно. Это чувство не выдуманное.

Возможно, мы подошли к самой большой проблеме в истории человечества. Я разверну это в книге — спокойно, по шагам, без пафоса. Без надрыда и плача. Это не та книга, где всё пропало.

Это книга про то, что риск большой, игнорировать его нельзя, и у нас есть тактика. И мы можем её придерживаться.

Таков путь.

Глава 1. Что-то сломалось — и ты это чувствуешь

Девочка, у которой нет ручек, подходит к маме:

— *Мам, дай конфетку!*

— *Отстань, я занята.*

— *Мам, ну дай конфетку, пожалуйста!*

— *Иди сама с полки возьми.*

— *Мам, ну как же я её возьму, у меня же ручек нет!*

— *Ну раз нет ручек — нет и конфетки.*

Это старый анекдот, и он про твою сегодняшнюю жизнь больше, чем кажется.

Где бы ты ни жил, тебе говорят примерно одно и то же. Меняется только список претензий.

Если ты в так называемой развитой демократии — тебе говорят: не пришёл на выборы. Не убедил соседа. Поверил предвыборным обещаниям, надо было быть умнее. Не поверил и не пошёл — тем более твоя вина, теперь же выбрали не того. Не вышел на митинг. Вышел, но не на тот.

Если ты в авторитарной системе — тебе говорят: не сверг диктатора. Не вышел против танков. Терпишь и молчишь. Уехал — предал родину. Остался — соглашатель.

Если ты живёшь в режиме, который десять лет назад выглядел нормально, а потом превратился неизвестно во что — тебе говорят: ты упустил момент. Не сделал что-то тогда, когда ещё можно было что-то сделать. Голосовал тогда не так. Не предотвратил приход не того человека. Поздно проснулся.

Если ты в монархии или в какой-нибудь наследственной автократии, где никаких выборов и никогда не было — тебе говорят проще: такая судьба. Родился — терпи.

Во всех вариантах ответ один: ручек нет, сама виновата.

В этой главе я расскажу, кто и как это устроил. Не для того, чтобы тебя огорчить — у тебя и так достаточно поводов. А для того, чтобы у тебя появилось имя для того, что с тобой происходило все эти годы. Когда у явления есть имя, с ним становится возможно что-то делать.

А ведь как просто всё казалось

Если тебе больше тридцати пяти — ты, наверное, помнишь это чувство: конец 80-х, 90-е, начало нулевых. У многих стран и многих людей было ощущение, что найден ответ. Не один из ответов — единственный, правильный.

Демократия. Свобода слова. Рыночная экономика. И всё.

Тогда казалось — этого пакета достаточно. Восточная Европа выходила из-под Варшавского блока. Латинская Америка — из военных диктатур. Постсоветские страны разворачивались на Запад. Атласы перекрашивались. Карты делили мир на тех, кто пришёл к демократии, кто почти пришёл, и кто скоро придёт.

В магазинах продавалась книга «Конец истории». Серьёзные политологи писали, что главный мировоззренческий спор человечества разрешён. Победил либеральный демократический капитализм. Осталось только подтянуть отстающих.

Человек на улице — в Бухаресте, Сеуле, Сантьяго, Праге, Кейптауне, Тбилиси, Таллине, Кишинёве — думал примерно одно и то же. Внедрим у себя демократию — заживём.

Прошло тридцать с лишним лет. Если посмотреть честно — у разных стран получилось очень по-разному.

Где-то стало заметно лучше. Польша, Чехия, Южная Корея — реально выросли по уровню жизни в разы.

Где-то стало по-разному в разные годы. Латинская Америка, ЮАР — то лучше, то откатывается, то снова движется.

А где-то стало хуже. Молодёжь уехала. Заводы закрылись. Деревни опустели. Демократические процедуры остались — а страна полупустая, и оставшиеся живут хуже, чем родители. Эстония, Литва, Латвия, Болгария, Грузия, Молдова, многие регионы Восточной Европы — большие части этого списка.

То есть рецепт сработал не как обещали. Не «все встроились — все процветают». А — у одних получилось, у других так себе, у третьих хуже, чем было.

И вот теперь — посмотри на цифры в следующем разделе. Это уже не про «не дошедших до демократии». Это про страны, которые пришли, обустроились и считаются образцом. Германия. Франция. Италия. Япония. США. Великобритания.

То самое «как у них», ради которого тридцать лет назад начинался путь.

С ними тоже что-то пошло не так.

Довольны ли люди демократией?

В большинстве так называемых развитых демократий тех, кто работой своей системы **недоволен**, сегодня **больше**, чем тех, кто доволен. По данным Pew Research, медиана 2025 года по двенадцати высокодоходным странам — 35% довольных против 64% недовольных. Это самый низкий уровень за восемь лет наблюдений: в 2017 было ровно 49 на 49. Тренд однонаправленный.

Бывают ли страны, где люди довольны? Если считать, что отвечающие на опросы не врут — да. Посмотрим, кто это.

- Греция: 22%
- Франция: 30%
- Италия: 31%
- Япония: 31%
- Великобритания: 37%
- Германия: 47%
- США: 49%
- Нидерланды: 62%
- Швеция: 75%
- Сингапур*: 73%
- Индия*: 75%

Источник: Pew Research Center, июнь 2025.

* Сингапур формально называется демократией, но фактически с 1959 года в нём правит одна партия. Индия — крупнейшая демократия мира, 1,4 миллиарда населения, с заметным авторитарным креном последних лет.

Картина простая: в развитых демократиях, которые мы привыкли считать образцом, тех, кто недоволен системой, больше — иногда в два-три раза. Греция, Франция, Италия, Япония — около трети довольных. США и Великобритания — около половины. Германия, Нидерланды — чуть лучше, но без вау.

А Швеция? Швеция же 75%. Может, просто не тех выбрали?

Швеция — действительно случай высокой удовлетворённости в чистой парламентской социал-демократии. И в Швеции цифры стабильно высокие много лет, не разовая флуктуация. Если бы Швеция была одна — можно было бы сказать «значит, демократия в форме шведской работает, повторяй модель». Но рядом с Швецией в верхней группе стоят Сингапур и Индия — а это совершенно не такая же демократия. Сингапур — фактическая наследственная однопартийная система. Индия — гигантская страна с активной авторитарной риторикой последних лет.

Три **разных** устройства — одинаково высокая удовлетворённость. Что у них общего — не форма правления. Общее одно: **страна движется туда, куда хотят люди**. У шведов социалка и экономика делают то, что от них ждут. У сингапурцев — рост, чистота, низкая коррупция. У индийцев — экономическая мобильность для миллионов.

Удовлетворённость берётся отсюда. Не из «у нас правильная демократия», а из «то, что обещано, выполняется». Когда перестанет выполняться — посмотрим. Медиана по высокодоходным странам уже упала с 49% довольных в 2017 году до 35% в 2025. Никто не гарантирует, что Швеция не пойдёт следом.

«Просто выбрать тех» — не работает. Тех самих производит система. Гл. 3 это покажет на конкретных кейсах: даже самые искренние политики, попав в систему, не могут или не хотят выполнить главные обещания. Дело не в людях — дело в архитектуре, которая не пускает курс туда, куда хотят люди.

И есть ещё кое-что, без чего эта картина не полна. Низкая удовлетворённость — это статичный снимок. А если посмотреть в динамике, видна закономерность ещё более тяжёлая.

Политологи изучают её с 1970-х годов и называют **honeymoon-эффектом**. Каждый новоизбранный лидер начинает с высокой поддержки. Дальше — почти всегда вниз. К следующим выборам — низкая удовлетворённость. Выбирают нового. У него снова высокая поддержка на старте. Дальше — снова вниз. И так каждый цикл.

Это не теория. Это измерено в десятках стран за десятки лет. С 1945 года американская компания Gallup еженедельно опрашивает избирателей о работе президента. За 80 лет наблюдений у них родился короткий вывод, который они формулируют так: **почти каждый президент к середине срока заметно проседает по поддержке.**

- Г. Трумэн (1945–1953): старт 87%, минимум 22%, финал 32%
- Л. Джонсон (1963–1969): старт 79%, минимум 35%, финал 49%
- Р. Никсон (1969–1974): старт 65%, минимум 24%, финал 24%
- Дж. Картер (1977–1981): старт 75%, минимум 28%, финал 34%
- Р. Рейган (1981–1989): старт 51%, минимум 35%, финал 63%
- Дж. Буш-ст. (1989–1993): старт 51%, минимум 29%, финал 56%
- Б. Клинтон (1993–2001): старт 58%, минимум 37%, финал 66%
- Дж. Буш-мл. (2001–2009): старт 57%, минимум 25%, финал 34%
- Б. Обама (2009–2017): старт 67%, минимум 38%, финал 59%
- Д. Трамп (2017–2021): старт 45%, минимум 34%, финал 34%
- Дж. Байден (2021–2025): старт 57%, минимум 36%, финал 36%

Источник: Gallup Presidential Job Approval Center, 1945–2025.

Дно везде примерно одинаковое — двадцать с чем-то процентов. Это и есть нижняя граница, к которой система приводит избирателя. Картер начал с 75% довольных — ушёл с 34%. Буш-младший начал с 90% после 11 сентября — ушёл с 22%. Никсон дошёл до 24%, и дальше падать было некуда: пришлось уйти досрочно.

И самое тяжёлое — что **происходит дальше**. Картер ушёл с 34% — выбрали Рейгана. Буш-младший ушёл с 34% — выбрали Обаму. Трамп ушёл с 34% — выбрали Байдена. Байден ушёл с 36% — выбрали Трампа. Каждый цикл повторяется по одному и тому же шаблону: высокая надежда на старте → разочарование → выбираем «другого» → высокая надежда на старте → разочарование → выбираем «третьего». И никто из этих президентов не был обманщиком в момент избрания. Все искренне обещали то, во что верили. Но через четыре года рейтинг **часто** оказывается у того же дна.

Если бы причина была в качестве конкретного политика — у Рейгана и Обамы получилось бы, у Картера и Буша — нет. А получается у всех одно и то же. Значит, дело не в политике. Дело в **архитектуре**, которая каждый цикл выдаёт обещания, которые она не может или не хочет выполнить.

И это не американская специфика. Тот же паттерн — спад от старта к финалу срока — задокументирован в Великобритании, Бразилии, Ирландии, Италии, Мексике, в большинстве стран с длинными рядами данных. Бывают исключения — иногда лидер уходит популярнее, чем начинал, — но чаще избиратель верит на старте и разочаровывается в процессе.

Как именно эта архитектура устроена, и почему она не может или не хочет выполнить обещания, — это гл. 3. Сейчас зафиксируем: разочарование не флуктуация. Это **расписание**.

Итог раздела простой. Большинство людей не очень довольны тем, как чувствуют себя в так называемых демократиях. И это уже не идеал, к которому стоит стремиться.

Голосование родами

Опросы — это что люди говорят. А есть и другое — что люди делают. И тут картина ещё тяжелее.

На вопрос «будут ли ваши дети жить лучше вас» в большинстве так называемых развитых стран отвечают «да» **меньше четверти** опрошенных.

- Япония: «хуже» 78%, «лучше» 20%
- Франция: «хуже» 77%, «лучше» 17%
- Канада: «хуже» 76%, «лучше» 21%
- Италия: «хуже» 75%, «лучше» 20%
- США: «хуже» 73%, «лучше» 23%
- Великобритания: «хуже» 72%, «лучше» 23%
- Германия: «хуже» 61%, «лучше» 32%
- Польша: «хуже» 31%, «лучше» 41%

Источник: Pew Research Center, Global Attitudes Survey, январь 2025 (данные опросов весны 2024).

Восемь из десяти родителей в богатых странах мира смотрят на своего ребёнка и знают: ему **будет хуже**, чем мне.

Подумай секунду, что это значит. Тысячи лет человечество жило с базовым допущением: дети будут жить лучше родителей. Это и был мотор всего — терпеть, работать, копить, учить, чтобы у них было больше. Сегодня этот мотор выключен. Большинство людей в самых богатых странах мира больше не верят, что их усилия дают что-то их детям.

И обрати внимание на Польшу внизу таблицы — единственная страна с обратной картиной: 41% оптимистов против 31% пессимистов. Это, опять же, не доказательство «правильной демократии». Это страна, где экономика последних 25 лет выполнила то, что обещала: Польша прошла из категории «бывший Восточный блок» в одну из самых динамичных экономик Европы. Удовлетворённость идёт оттуда же — из чувства движения туда, куда хотят люди. Не от формы правления.

И это уже не только настроение — это физика. По всему миру обычные люди голосуют против будущего не на выборах, а самим фактом отсутствия детей. Глобальная рождаемость упала с пяти детей на женщину в 1960-х до 2,2 в 2024 — больше чем вдвое за одно поколение жизни. В странах, где живёт 71% населения планеты, рождаемость уже ниже уровня воспроизводства. То есть нынешнее поколение там не воспроизводит само себя — численно сокращается.

- Южная Корея: 0,75 детей на женщину
- Китай: 1,02
- Испания: 1,10
- Польша: 1,14
- Япония: 1,15
- Италия: 1,18
- Германия: 1,38
- США: 1,62
- Индия: 1,94
- Глобально: 2,20
- Уровень воспроизводства: 2,10

Источник: UN World Population Prospects 2024 Revision.

Между 2019 и 2024 годами рождаемость снизилась в 185 странах из примерно двухсот. Выросла — в двенадцати. Почти все эти двенадцать — в Африке. То есть в развитом мире снижение тотальное.

Конкретика, чтобы было видно масштаб. В Японии в 2024 году родилось меньше 700 тысяч детей — самое низкое число с начала ведения статистики, более ста лет наблюдений. В Южной Корее с 2018 года женщина в среднем рождает меньше одного ребёнка. В 2024-м — 0,75 ребёнка на женщину. Правительство Кореи официально объявило национальное чрезвычайное положение по рождаемости. Итальянские демографы говорят про свою страну «демографическая зима».

Это не «культурные предпочтения». Это страх. Человек не заводит ребёнка не от хорошей жизни, а потому что не верит, что сможет дать ему то, что когда-то получил сам. И этот страх — массовый, тихий, физический. В опросах он показывается одной формой, в роддомах — другой.

А виноват — ты

Если бы тебе сказали честно: «Слушай, система не работает, мы не знаем, что делать, давай думать вместе», — это была бы одна история. Тяжёлая, но честная.

Но тебе говорят другое. Тебе говорят: ты **сам виноват**.

Не пошёл на выборы — твоя вина. Не убедил соседа — твоя вина. Поверил предвыборным обещаниям — твоя вина, надо было быть умнее. Не поверил и не пошёл — тем более твоя вина, теперь же выбрали не того. Не вышел на митинг — твоя вина. Вышел, но не на тот — твоя вина. Не сверг диктатора (если у тебя диктатор) — твоя вина, другие народы вон сами справлялись.

И — отдельная музыка — тебе же объясняют, что твой сосед, который голосовал иначе, не просто не согласен с тобой. Он **плохой**. Аморальный. Тупой. Опасный. Все избиратели «той» партии — испорченные люди, из-за которых страна катится в пропасть. Если бы не они — ты бы жил хорошо. Виновата не система. **Виноват сосед**.

Это, в общем-то, и есть рабочая схема. Раскол общества — твой главный заголовок каждый день. Через год-два ты с этим соседом уже не разговариваешь, и тебе кажется, что это нормально. Хотя ещё пять лет назад вы вместе барбекю жарили.

Как именно тебя на этот раскол подсадили — отдельная глава, она следующая. А пока запомни: схема обвинения работает на два фронта. Виноват ты. Виноват сосед. Только не система.

И всё это требуют у людей, которые должны быть профессионалами в своём деле, зарабатывать на детей и ипотеку. Чтобы «правильно проголосовать», ты, по идее, должен понимать макроэкономику, внешнюю политику, военный бюджет, энергетический баланс, демографию, систему здравоохранения, климатическую науку, миграцию, уголовное право. И всё это — за то время, что у тебя осталось после работы и детей. То есть, по сути, никогда.

Это всё равно что от человека, который не учился медицине, требовали бы прийти к врачу — и не сказать «у меня болит вот тут», а самому себе **поставить диагноз и выбрать, что вырезать**. Это не его работа. Так не работает.

А с тобой так разговаривает вся политическая система.

И когда ты, естественно, не справляешься — потому что не можешь справиться, никто не может, — тебе говорят: видишь, недостаточно сознательный гражданин. Сам виноват.

Это не свобода. Это не ответственность. Это **насилие задач, которую невозможно выполнить**. Невыполнимая задача плюс публичное обвинение в её невыполнении — классическая схема, как сломать человека. Ровно это делают со всеми сразу.

А кто наверху?

Ладно, скажешь ты. Допустим, я плохо разбираюсь в макроэкономике и климатологии — это правда, и я с этим живу. Но я же не один. Есть же те, кто разбирается. Я выбираю их. Они туда идут, чтобы решать эти вопросы за меня. Это и называется представительная демократия. В чём проблема?

Проблема в том, что те, кого ты выбираешь, — не власть.

Это, может быть, самое непривычное в этой книге, но это так.

Реальная власть стоит на трёх контурах, и ни один из них не выбирается тобой.

Первый контур — **деньги**. Это те, кто решает, кто из политиков получит финансирование кампании, кто — нет. Кто получит поддержку партии, кому её перекроют. Без денег ты в политику даже не зайдёшь. С деньгами — провести могут практически любого.

Второй контур — **медиа**. Это те, кто владеет каналами, через которые ты узнаёшь о мире, и алгоритмами, которые решают, какие новости ты увидишь, а какие нет. За неделю целенаправленной кампании такие люди могут уронить рейтинг любого политика до нуля или поднять никому не известного человека до президентства.

Третий контур — **спецслужбы**. И это та часть власти, о которой говорят меньше всего, потому что её работа в том, чтобы о ней не говорили. Спецслужбы — это те, кто собирает информацию о политиках. О том, с кем они спят, у кого занимают, что говорят в частных разговорах, какие у них долги, страхи, слабости, скелеты в шкафах. У кого эта информация — у того в руках веревочка от любого выбранного народом представителя. Не нужно подкупать политика, если у тебя есть его переписка с любовницей. Не нужно угрожать, если ты знаешь, через какой банк он выводил деньги.

И самое неудобное здесь — то, что эта информация собирается не только о собственных политиках. О чужих тоже. Включая союзников.

Вот один из тех случаев, который не получилось замять. В 2013 году благодаря утечкам бывшего сотрудника АНБ Эдварда Сноудена выяснилось, что американская спецслужба слушала мобильный телефон канцлера Германии Ангелы Меркель — с 2002 года. То есть ещё за три года до того, как она стала канцлером. В отдельной базе АНБ хранилось более 300 отчётов о Меркель. Слушали её частные разговоры с другими мировыми лидерами.

Что Меркель смогла сделать, узнав об этом? Позвонить Обаме и сказать, что она «крайне не одобряет такие практики». На этом всё. Никаких реальных последствий. Слежка, по разным данным, продолжалась ещё годами.

Глава одной из самых сильных стран мира, союзницы США, ничего не могла сделать против американской спецслужбы. Если **она** ничего не могла — что может политик помельче? Что может политик небольшой страны? Что может политик, у которого нет даже формального статуса главы государства, а есть только мандат депутата или министра?

Ответ очевиден: ничего.

Куда смотрят политики, когда работают

И самое неудобное — что этот рычаг работает **ещё до того**, как политик ушёл с поста. Чиновник, который знает, что через два года ему предложат место в той самой корпорации, которую он сейчас регулирует, — начинает работать осторожнее уже сейчас. Не подмахивать корпорациям-будущим-работодателям — глупо.

Возьми один кейс. Декабрь 1995 года. Медицинский офицер американского агентства по контролю за лекарствами FDA по фамилии Кёртис Райт одобряет к продаже новый опиоидный обезболивающий ОхуContin. В одобренной им этикетке препарата стоит фраза: «Привыкание к опиоидам, используемым по назначению при лечении боли, встречается очень редко». Эта фраза не имела научной базы — она опиралась на одну строчку из письма в редакцию медицинского журнала 1980 года, которое никто никогда клинически не проверял.

Через 13 месяцев Райт уходит из FDA. Ещё через год присоединяется к компании, чей препарат он одобрил, — Purdue Pharma — на должность директора медицинских исследований. Зарплата — около **400 тысяч долларов в год**, примерно в три раза больше, чем в FDA. По данным расследования Министерства юстиции США 2006 года, ключевые куски той самой формулировки одобрения были написаны в гостиничном номере неподалёку от штаб-квартиры FDA, куда Райт пригласил руководителей Purdue.

Что было дальше — известно. На основании одобренной Райтом этикетки Purdue Pharma запустила маркетинговую кампанию, убеждавшую врачей, что ОхуContin не вызывает зависимости. С 1996 по 2019 годы только от передозировок прописанными опиоидами в США умерли около 250 тысяч человек. С учётом перешедших на героин и фентанил (а большинство переходили) — **более 800 тысяч смертей**. Это первая волна того, что Центр по контролю заболеваний США официально называет «опиоидной эпидемией». Крупнейший кризис общественного здоровья в современной истории Америки.

Один человек. Одно решение. Одна фраза в этикетке, которую он провёл. И четыреста тысяч долларов в год после ухода.

И это не аномалия. Это система. В 1970-х менее 10% бывших федеральных чиновников США уходили в лоббизм. К 2019 году — **59%**. Шестикратный рост за 50 лет. Зарплата конгрессмена — 174 тысячи долларов в год, заморожена с 2009. Зарплата бывшего конгрессмена в корпоративном совете директоров — в среднем **357 тысяч в год** за part-time работу. Прибавка при уходе в лоббизм — в среднем **в 15 раз** больше прежней зарплаты в Конгрессе.

И эти люди — не «коррупционеры в кино». Это нормальная карьерная траектория. Почти все участники её знают и по ней живут. И большинство политиков пишут законы с пониманием, что через пять-десять лет их благополучие будет зависеть не от избирателей, а от тех, в чьих интересах эти законы и приняты.

Сложим всё вместе

Деньги решают, кто попадает в политику. Медиа решают, как этого человека увидит избиратель. Спецслужбы держат на нём поводок — на случай, если он попытается вести себя не так, как от него ожидают. И сам политик — заранее знает, что после ухода его ждёт корпоративная зарплата в разы выше нынешней, и пишет законы соответственно.

А политики при таком устройстве — это **обслуживающий персонал** этой власти: крупных компаний и монополий. Лица, которые её представляют. Голоса, которые её озвучивают. Подписи под её решениями. Не больше.

И калибр этих лиц бывает поразительно низким. Найди эпизод сатирического шоу «Who Is America?» Саши Барона Коэна с Джейсоном Спенсером — на тот момент депутатом законодательного собрания штата Джорджия. Коэн в роли «израильского спецназовца» за пару минут уговорил его выкрикивать расовые оскорбления и, ради «защиты от террористов», спустить штаны и с воплем «Америка!» атаковать врага голым задом. Через несколько дней Спенсер ушёл в отставку. Просто посмотри этот ролик — и подумай, как обстоят дела, если такой человек заседал во власти.

Когда ты идёшь на выборы и выбираешь между кандидатом А и кандидатом Б, ты не выбираешь между политиками. Ты выбираешь между двумя пакетами, оба из которых собраны не для тебя. И никакая твоя гражданская сознательность этого не изменит — потому что рамка выбора установлена до того, как ты пришёл на участок.

Демократические процедуры при этом работают: подсчёт голосов настоящий, бюллетени реальные, явку считают. Просто существенные решения принимаются не там. Они принимаются раньше — на этапе, когда определяется, кто вообще попадёт в бюллетень, и какая повестка будет в эфире за полгода до голосования. На участке ты выбираешь из того, что осталось.

В этой системе политика — это место, где **врут и предают**. Врут избирателям про обещания. Предают друзей по партии, когда выгодно. Предают будущие поколения, отдавая их деньги и ресурсы тем, кто платит сегодня. Кто умеет это делать спокойно — поднимается. Кто не умеет — отсеивается. Откуда берётся такой тип людей и почему они там концентрируются — отдельный разговор, мы вернёмся к нему в гл. 3.

Если у этой системы и есть подходящее имя, то «демократия» — точно не оно. Деньги покупают эфир. Спецслужбы дают на политиков. Корпорации платят им вперёд. Но всё это касается тебя лично через один и тот же канал — через то, что ты видишь на экране. Поэтому называть эту систему точнее всего по тому контуру, который смыкается с гражданином: **МЕДИАДИКТАТУРА**.

И сразу одну вещь надо проговорить, чтобы потом не возвращаться.

В этой книге я буду использовать слово **демократия** только для модели, которую книга предлагает — той, что описана дальше. В ней общество реально учитывает, что важно людям, и движется туда, куда они хотят. Поэтому слово «демократия» подходит к ней по сути, а не только по названию.

То, что есть сейчас в США, Германии, Франции, Италии — это не демократия. Это медиадиктатура. И я буду называть её именно так. Когда другим словом не обойтись — например, в цитатах исследований или когда речь о том, что другие называют демократией — я возьму это слово в кавычки или поставлю пометку «так называемые».

Это не игра в термины. Это рабочая необходимость. Если мы будем называть медиадиктатуру демократией, мы повторим ту же ловушку, в которую попали все остальные книги на эту тему: критиковать «демократию» вместо того, чтобы критиковать то, что **подменило** демократию.

Демократия — хорошее слово. И ему стоит вернуть тот смысл, ради которого оно и появилось: настоящую власть людей над тем, как устроена их жизнь.

А в других системах?

Кратко: то же самое, только методы более грубые.

Есть и промежуточный случай — **зависимые «демократии»** третьего мира, которые держатся на поддержке Запада. Там фильтр внешний: наверх проходит не тот, кто поднимет экономику страны, а тот, кто сделает нужное западным компаниям — нередко прямо против её развития. Заработав на этом, такой политик с семьёй уезжает: второе гражданство у него обычно уже есть.

В **автократиях** фильтр прямой. Беларусь 2020: главные конкуренты Лукашенко — Бабарико и Тихановский — арестованы ещё до регистрации кандидатов. Венесуэла 2024: главная оппозиционная кандидатка Мария Корина Мачадо отстранена от выборов административно, её сменщик Эдмундо Гонсалес после выборов вынужден был бежать из страны. Турция 2017: главный соперник Эрдогана Экрем Имамоглу осуждён «за оскорбление государственных чиновников» — фразой со словом «дураки» — и получил пожизненный запрет на политическую деятельность.

В **монархиях** фильтр семейный. Когда у тебя нет даже фикции выборов, остаётся только устранять родственников, которые могут претендовать на власть. Это не средневековый сюр. Это новости 2010-х и 2020-х годов.

В декабре 2013 года северокорейская сторона официально объявила о казни Чан Сон Тхэка, родного дяди Ким Чен Ына, за «государственную измену». По данным южнокорейского агентства Yonhap и расследования Reuters со ссылкой на источники в спецслужбах, способ казни — расстрел из зенитного орудия. Северная Корея метод официально не подтверждала.

В феврале 2017 года в аэропорту Куала-Лумпур погиб Ким Чен Нам, старший брат Ким Чен Ына. По заключению малайзийской полиции и материалам последовавшего судебного процесса — отравление нервно-паралитическим веществом VX, нанесённым на лицо двумя женщинами. По версии малайзийского следствия, заказчики связаны с северокорейскими спецслужбами.

В апреле 2021 года принц Хамза бин Хусейн, брат короля Иордании Абдуллы II, был помещён под фактический домашний арест. Иорданские власти обвинили его в «попытке дестабилизации страны»; сам принц обвинения отверг. В 2022 году он официально отказался от титула принца.

Есть и менее доказанные, но показательные случаи. В 2015–2016 годах из Европы один за другим исчезли трое саудовских принцев — все критиковали власти королевства. По расследованию BBC, есть свидетельства, что их выкрали и вывезли в Саудовскую Аравию; их судьба по сей день неизвестна, а официальный Эр-Рияд обвинения не комментировал.

Подробнее эти и другие случаи — в гл. 4. Там же — источники.

Гл. 4 будет про то, что у всех этих систем — медиадиктатур, автократий, монархий — устройство одно и то же, и сейчас, когда страны срослись в одну мировую экономику, это устройство угрожает уже всем сразу. Сейчас фиксируем: это не «у них хорошо, у нас плохо» и не наоборот. Это везде одно и то же, разными инструментами.

И ещё одно, что нужно сказать прямо. **Я не против лидеров.** Я не против иерархий. Любая сложная система — от человеческого тела до космического корабля — устроена иерархически, и без иерархии не работает. Координатор большого проекта — лидер. Хирург в операционной — лидер. Командир в полёте — лидер. Это норма, и она нужна.

То, против чего я выступаю — это не лидерство. Это конкретный тип людей, который сегодня попадает наверх в существующих системах, и архитектура, которая именно этот тип отбирает. Какая архитектура работает иначе — будет содержанием второй половины книги.

И всё-таки

Я не написал бы эту книгу, если бы у меня был только диагноз.

Диагнозов сейчас достаточно. Любой может включить блог, разнести систему в пыль за полчаса и собрать миллион просмотров. От этого не легче никому, включая блогера.

У меня есть другое — внятный ответ на вопрос «а как тогда». И этот ответ начинается с одной простой смены вопроса.

Сегодня у тебя как у гражданина спрашивают: «Кого ты выбираешь из этих?» — показывая людей, которых отобрали не для тебя. «За какую реформу ты голосуешь?» — предлагая решения, в которых ты не обязан разбираться. «Какую партию ты поддерживаешь?» — заставляя выбирать пакет из двух десятков пунктов, в большинстве из которых тебе нет дела.

Это всё — не те вопросы.

Единственный вопрос, в котором ты по-настоящему эксперт — **«где у тебя болит?»**. Не «как лечить» — это работа врачей. А где. Это знаешь только ты, и никто за тебя этого не скажет.

Настоящая демократия — это когда у тебя спрашивают именно это. И когда ответы миллионов «где болит» превращаются — открыто, проверяемо — в то, на что общество тратит свои силы и деньги. А как лечить определяют те, кто умеет лечить: учёные, инженеры, специалисты. По правилам, которые видны всем. С данными, которые открыты.

Решение есть. Оно подробно — устройство, механика, переход без крови — содержание остальной книги. Имя у него тоже есть, и я назову его в свою очередь, когда мы дойдём до момента, где имя будет означать понимание, а не рекламу.

А пока — одно. Ты сейчас прочитал главу, в которой я в общем-то ничего не пообещал. Только сказал: то, что ты чувствуешь, — правда. То, в чём тебя обвиняют, — неправда. То, кого ты считал властью, — не власть. И то, что тебе предлагали как демократию, — не она.

Если это совпало с тем, что ты чувствовал и сам, но не мог собрать в слова, — ты не один. Нас много, и нас становится больше.

А в следующей главе мы посмотрим, в каком состоянии общество подходит к этому ложному выбору. И почему — даже понимая всю механику — ты лично из этой среды не выйдешь.

Источники к главе 1

Удовлетворённость работой собственной демократии. Pew Research Center, «Dissatisfaction with democracy remains widespread in many nations», июнь 2025. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/06/30>

Одобрение президентов США (старт → минимум → финал). Gallup Presidential Job Approval Center, 1945–2025. <https://news.gallup.com/poll/124922/presidential-approval-center.aspx>

«Дети будут жить хуже / лучше родителей». Pew Research Center, Global Attitudes Survey, январь 2025 (опросы весны 2024), 36 стран, 41 503 респондента. <https://www.pewresearch.org/global/2025/01/09>

Глобальная рождаемость и страновые показатели. UN World Population Prospects 2024 Revision. <https://population.un.org/wpp>

Япония: число рождений 2024. Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии, 2025.

Кёртис Райт и одобрение OxyContin. CBS News «60 Minutes»: «Did the FDA ignite the opioid epidemic?», 2019. Меморандум Минюста США 2006 года, упомянутый в публикациях The Inquirer и Marketplace.org.

Опиоидная эпидемия: число смертей. Центр по контролю заболеваний США (CDC), данные о смертности от передозировок, 1999–2019 и далее.

Доля бывших чиновников США, ушедших в лоббизм. Сравнение данных 1970-х и 2019 — GoodParty.org, обзор по открытым реестрам Sunlight Foundation и LegiStorm.

Зарплаты бывших конгрессменов в корпоративных бордах. Bloomberg, «Capitol Gains» / Russell 3000 board pay analysis, 2016. The Journal of Politics, vol. 78 (1), 2016.

Прибавка при уходе в лоббизм (×15). Republic Report, «When a Congressman Becomes a Lobbyist, He Gets a 1,452% Raise (on Average)», 2012.

Служба АНБ за Меркель. Утечки Сноудена 2013; публикации Der Spiegel, The Guardian.

Джейсон Спенсер / «Who Is America?». Сатирическое шоу Саши Барона Коэна, Showtime, сезон 1, эпизод 2 (22 июля 2018). Депутат законодательного собрания штата Джорджия (не Конгресс США) ушёл в отставку 31 июля 2018 после этого эпизода. <https://www.npr.org/2018/07/25/632191533/ga-lawmaker-resigns-after-dropping-pants-shouting-slurs-on-sacha-baron-cohen-show>

Доля страны в доходах от своих ресурсов (зависимые «демократии»). Добывающие страны нередко получают малую долю.

— Нигер (уран): роялти около 5,5% против ~13% в Канаде и ~18,5% в Казахстане. <https://multinationales.org/en/news/vive-la-francafrique-who-benefits-from-niger-s-uranium>

— Казахстан (Кашаган): государству доставалось порядка 2% прибыли, до 98% — иностранным акционерам (среди них Chevron и ExxonMobil); даже с налогами около 6% в 2024 при мировом ориентире 50–55%. ICIJ: <https://www.icij.org/investigations/caspian-cabals/behind-closed-doors-kazakhstan-challenges-decades-old-deal-with-160-billion-claim-against-big-oil/>; Times of Central Asia: <https://timesca.com/kazakhstan-presses-oil-giants-as-kashagan-revenues-face-scrutiny/>

— Африка в целом: около \$50 млрд в год незаконных финансовых оттоков, около 65% — коммерческие операции транснациональных компаний (трансфертное ценообразование, занижение цен в торговле). Панель ООН/Афросоюза под председательством Т. Мбеки, 2015. <https://www.uneca.org/institutional-architecture-address-illicit-financial-flows-africa>; <https://africarenewal.un.org/en/magazine/africa-loses-50-billion-every-year>

Беларусь 2020 (аресты Бабарико, Тихановского); Венесуэла 2024 (отстранение Мачадо, бегство Гонсалеса); Турция 2017 (приговор Имамоглу). Открытые источники, основные мировые информационные агентства соответствующих лет. Подробные источники — в гл. 4.

Чан Сон Тхэк (2013), Ким Чен Нам (2017), принц Хамза (2021). Reuters, BBC, Yonhap, AP — соответствующие материалы по делам. Подробные источники — в гл. 4.

Исчезновения саудовских принцев (2015–2016). Трое принцев-критиков (Султан бин Турки, Турки бин Бандар, Сауд бин Сейф ан-Наср) исчезли из Европы; по расследованию BBC — свидетельства похищения и вывоза в Саудовскую Аравию, судьба не подтверждена. BBC News, документальный фильм «Kidnapped! Saudi Arabia's Missing Princes» (2017).

Глава 2. Рецепт разобщённого бессильного общества и избирателя

В первой главе мы расстались на том, что то, что нам преподносят как демократия, — это **медиадиктатура**, в которой настоящие решения принимаются не на участке, а тремя контурами — **деньги, медиа, спецслужбы**. И что политики там — обслуживающий персонал.

Но за всем этим стоит ещё один уровень. И он — про тебя.

Дело в том, что выбор не делается в вакууме. Его делает живой человек, со своей головой, своими страхами, своим восприятием мира. И если эта голова уже искажена ещё до прихода на участок — никакая «правильная» процедура голосования это не починит. На участке ты выбираешь не из людей. Ты выбираешь из того, что у тебя в голове по поводу этих людей.

А то, что у тебя в голове, кто-то очень последовательно туда положил. Не тебе лично, не злодейским заговором. Но в твою голову — и в голову миллионов вокруг тебя — двадцать четыре часа в сутки кладут одно и то же. Эта глава про то, кто в этом виноват и как устроен сам механизм.

И спойлер: **виноваты не злодеи. Виновата среда**. И именно среду — а не тех, кто в ней барахтается — мы потом будем менять.

Никто не сидит в тёмной комнате

Сначала важный шаг, без которого вся глава прочитается неправильно.

То, что я сейчас опишу, не является заговором. Никакая тайная комната с злодеями не планирует, как тебе испортить восприятие мира. Большинство людей, которые в этом участвуют — журналисты, редакторы, владельцы платформ, маркетологи, рекламодатели, политтехнологи — нормальные люди. Многие из них считают, что делают хорошую работу. Кто-то даже её действительно делает.

То, что получается на выходе — общество в постоянной тревоге, разорванное на враждующие племена, не способное к общему разговору — это **эмерджентное** явление. Эмерджентное — значит возникающее само, из взаимодействия частей, без чьего-либо плана. Так пробка на дороге возникает без злого диспетчера. Так толпа на стадионе сама становится опасной без чьей-то команды. Так и здесь: каждый из участников играет по своим разумным правилам, а в сумме получается то, что получается.

Это важно по двум причинам. Во-первых, ты потом не будешь искать «кого-то наказать, посадить». Сажать некого — точнее, можно посадить любого, и ничего не изменится, потому что система воспроизведёт себе новых. Во-вторых, это объясняет, почему всё так трудно сломать. Борьба с заговором можно — выявил, разоблачил, посадил. С эмерджентным явлением так нельзя. Его лечат на уровне самих правил игры, не на уровне игроков.

Запомни это слово — эмерджентное. Оно ещё пригодится. А сейчас пойдём по слоям.

На чём это паразитирует

У человека в голове сидят три древних механизма — назовём их **универсальные крючки захвата внимания**. Они очень старые. Куда старше, чем кажется. Мы привыкли объяснять их жизнью в племени охотников-собирателей — стаями по сто-двести человек в саванне. Но на самом деле они тянутся гораздо глубже: их получили в наследство ещё наши предки, что лазали по веткам, а те — от своих, и так вглубь на сотни миллионов лет. Реакция на угрозу, деление на своих и чужих, сравнение с соседом — это не «человеческое». Это слои, надстроенные эволюцией один на другой задолго до того, как появился человек.

Первый крючок — первобытный страх. Тысячи поколений наши предки жили в среде, где новость «там, в соседней долине, на наших напали» означала жизнь или смерть. Тот, кто услышал и среагировал, выжил. Тот, кто не среагировал, погиб. Лучше выживал тот, кто вовремя замечал, что рядом ходит тигр, и понимал, что значит шорох в кустах. Эволюционно это оказалось выгоднее беспечности — и закрепилось. Поэтому в нас встроена сильнейшая преференция к информации об угрозах. Плохие новости запоминаются ярче хороших, удерживают внимание дольше, вызывают физическую реакцию — пульс, потливость, напряжение мышц. Это не «нервы». Это базовая настройка нервной системы, которая шлифовалась миллионами лет.

Второй крючок — социальное сравнение. В племени из ста человек ты должен был всё время понимать, где ты находишься в иерархии: кто выше тебя по статусу, кто ниже, кто доступен как партнёр, кто опасен как конкурент. От этого зависело, будешь ли ты есть, размножаться, выживать. Поэтому в нас встроены постоянный фоновый процесс автоматического сравнения — с любым человеком, попавшим в поле зрения.

Третий крючок — свой-чужой. Племя выживало, если умело быстро отличать своих от чужих. Чужой — потенциальный носитель болезни, потенциальный нападающий, потенциальный конкурент за ресурсы. Поэтому в нас встроена автоматическая группировка по любому признаку, который попадает в поле зрения: язык, внешность, обычаи, верования. Свой — безопасно. Чужой — настороженность.

Все три крючка были адаптивными для маленькой группы в саванне. Все три катастрофически дезадаптивны для миллиардной взаимосвязанной цивилизации с алгоритмическими лентами в кармане и телевизором в каждой квартире. И именно на них построена целая отрасль, которая называется индустрия внимания.

Эта отрасль не злая. Она просто оптимизируется. Алгоритм соцсети не получает задание «посеять рознь». Алгоритм ТВ-канала не получает задание «напугать пенсионеров». Они получают задание «максимизировать вовлечение» и «максимизировать рейтинг». А поскольку максимально удерживают внимание именно три древних крючка, алгоритм сам учится показывать то, что эти крючки задевает. Никто этого не программировал. Это эмерджентно. Это просто работает.

И вот что важно понять про эти три крючка: **они не про людей.**

Страх перед сигналом опасности, деление на своих и чужих, постоянное сравнение с другими — это не человеческое изобретение и даже не особенность приматов. Это базовые механизмы выживания любой жизни, которая живёт группой. Стадо срывается с места по одному сигналу тревоги. Муравьи убивают чужого по запаху. Белую ворону заклёвывают — буквально. Иерархию в курятнике учёные так и называли: порядок клевания. Везде, где жизнь сбилась в группу, миллионы лет отбор награждал тех, кто реагирует на угрозу, держится своих и знает своё место. Кто не реагировал — не оставил потомства.

Поэтому это сидит так глубоко: **это не привычка, это фундамент.**

А поверх биологии надстраивается экономика — и она тоже универсальна. Где есть внимание и есть обмен, там работает одно правило: **что сильнее притягивает внимание — забирает больше времени, а время — это деньги.** Поэтому любой, кто живёт с внимания аудитории, рано или поздно нащупает те же три крючка и начнёт на них играть. Не потому что злодей — потому что иначе проиграет тому, кто уже начал. Это не выбор отдельного человека. Это направление, в которое сползает любая экономика внимания.

То, о чём эта книга, — возможно, касается не только человеческого общества. Биология одна, экономика одна. Если разумная социальная жизнь возникла где-то ещё — почти наверняка она прошла через те же крючки и ту же экономику внимания. Потому что это не про людей. Это про то, как вообще устроено выживание в группе и как устроен обмен. В последней главе книги мы вернёмся к мысли, что некоторые ловушки поджидают, возможно, не только нас.

Страх из телевизора

Если медиа двадцать лет рассказывают тебе про преступность, терроризм и насилие — у тебя в голове складывается картина мира, в которой всего этого столько же, сколько тебе показывают. Здравый смысл подсказывает: значит, и в реальности этого становится больше.

Реальность — обратная. И здесь я приведу несколько цифр медленно, потому что от того, поверишь ты им или нет, зависит многое дальше.

Глобальный уровень убийств в 1990 году был 6,4 на 100 000 человек. В 2023 — 5,2. Снижение почти на пятую часть за тридцать лет. В Северной Америке и Западной Европе уровень убийств снизился на 46% между 1990 и 2015 годами. В средневековой Италии уровень убийств был 70-150 на 100 000 — то есть в сто раз выше, чем сейчас (по данным криминолога Мануэля Айснера, Кембридж). Глобальный уровень самоубийств с 1990-х снизился примерно на 40%. А если отступить совсем глубоко: по ряду археологических оценок, на доисторических стоянках доля смертей со следами насилия в среднем около 15% (разброс по раскопкам — от почти нуля до 60%). Сегодня насильственные смерти — порядка 1–3% от всех. Тренд через десятки тысяч лет один: насилия становится меньше.

Смертность от терактов за последние тридцать лет сократилась примерно вдвое. От войн между государствами — за последние семьдесят лет резко снизилась. От голода — за последние сорок лет упала примерно вчетверо. Доля людей, живущих в крайней бедности, упала с почти 40% в 1990 году до менее 10% сегодня.

Если открыть статистику и посмотреть на любое крупное измерение того, насколько мир опасен — за последние 30, 50, 100 лет он стал в разы безопаснее. По любому показателю, кроме одного: **ощущения людей**. Ощущения людей — наоборот, чем дальше, тем хуже. Чем безопаснее мир, тем страшнее в нём кажется жить.

Это парадокс. И этот парадокс — не теория. Он измерен.

Ряд исследований фиксирует: страх перед преступностью в городах растёт даже там, где сама преступность падает. Гарвардский профессор Касс Санстейн уже двадцать лет публикует работы про *probability neglect* — феномен, при котором люди систематически переоценивают вероятность редких эффектных событий (теракт, нападение акулы, убийство ребёнка) и недооценивают вероятность массовых рутинных причин смерти (диабет, гипертония, ДТП). Корреляция простая: чем больше человек потребляет новостных медиа, тем хуже у него калибровка реальных вероятностей.

И теперь самое главное.

Подумай, как чувствует себя человек, у которого в голове такая картина. Он чувствует себя маленьким и слабым. Вокруг угрозы — а он один, без оружия, без опыта, без знакомых в полиции. Что ему делать?

Просить защиты. Кого? Того, кто сильнее. Государства. Политика, который пообещает «навести порядок». Сильной руки, которая всех «утихомирит».

В этом и есть ключ. **Искажённая картина мира не просто делает тебя несчастным — она делает тебя управляемым.** Ты сам, добровольно, идёшь искать того, кто пообещает тебя защитить. И голосуешь за него. Готов потерять в деньгах, в правах.

В обществе, где у миллионов в голове такая искажённая картина, нельзя сделать осмысленный политический выбор. Голосуют не за того, кто решает реальные проблемы. Голосуют за того, кто громче обещает справиться с воображаемыми. А воображаемая проблема не имеет реального решения — значит, после выборов недовольство не уходит, значит, на следующих выборах люди голосуют за следующего, кто ещё громче. Колесо боли.

И это и есть состояние общества, в котором тебе предлагают «свободно выбрать своего представителя».

Новость и старость

Раз уж мы об этом заговорили — короткий инструмент, который ты сможешь унести с собой из этой главы.

Большая часть того, что подаётся как «новости», новостями не является. Это **старости** — пересказ событий, которые с человечеством происходят веками. И каждая «старость» точно вписывается в один из трёх древних механизмов.

«Самолёт упал». Это работает на первобытный страх. Мозгу кажется, что нужно срочно узнать про опасность. Хотя самолёты падают с тех пор, как изобрели самолёты, и каждый отдельный случай для тебя статистически почти нулевая вероятность. Истинная новость про авиацию — это «за десять лет смертность на авиаперелётах снизилась в N раз». Этого ты в ленте не увидишь — потому что это не задевает крючок.

«Знаменитость развелась». Это социальное сравнение. Мозг хочет посмотреть, как живёт тот, кто наверху иерархии. Знаменитости разводятся столько же лет, сколько существуют знаменитости. Никакой новости тут нет.

«Иммигрант совершил преступление». Это свой-чужой. Эмоциональный укол по третьему крючку, чистый. Каждый день в мире миллионы иммигрантов не совершают преступлений, и каждый день в мире какие-то иммигранты их совершают. И ровно так же каждый день преступления совершают местные — просто тебе их не покажут, если ты охотнее кликаешь на сюжеты про приезжих. Лента подстраивается под тебя. Поэтому честная проверка одна — не отдельный случай, а статистика. Подача конкретного случая — это не информирование, это активация крючка.

«Политик солгал». Глубокая старость. Политики лгут как профессиональная деятельность. Это не новость, это константа.

«Где-то прошёл митинг». Митинги в этом городе уже происходили в этом году семнадцать раз.

Истинно новое — это статистика, сравнительные данные, тренды. «Смертность от ДТП в стране за десять лет упала на N процентов». «Стоимость солнечной энергии за последние пятнадцать лет упала в M раз». Это и есть настоящие новости — потому что это изменения в больших процессах, а не очередной случай из миллиона повторяющихся.

Но истинное новое редко цепляет три эволюционных крючка. Поэтому оно дорого в производстве и плохо продаётся. Поэтому его в ленте почти нет.

Различение «новость / старость» — это **первый практический инструмент**, который у тебя теперь есть. С этой минуты ты можешь его применять. Открыл ленту — спроси себя: то, что мне показывают, на какой из трёх крючков работает? Если просто на крючок, и за этим не стоит реальное изменение в мире — у тебя есть полное право это пролистать, не считая себя «неинформированным гражданином». Ты будешь информирован гораздо лучше большинства, если научишься этому различению.

Из ленты вырастает не настроение, а фильтр

Самое неприятное в этом всём — что лента работает не как «настроение», которое можно стряхнуть утром.

Лента работает как сенсорный фильтр.

Объясняю, что это.

У тебя в день 16 часов бодрствования. Из них значительная часть проходит в ленте или перед ТВ — потоком в голову идут заголовки, видео, чужие посты, реклама, новостные сюжеты. По отдельности — пустяки. В сумме — миллионы эмоционально окрашенных микрособытий.

И вот шесть шагов, через которые из этого вырастает сенсорный фильтр.

Шаг 1. Ты кликаешь на эмоционально окрашенный заголовок чаще, чем на нейтральный. Заголовок «В соседнем районе нашли тело» цепляет; заголовок «Стоимость литра бензина выросла на 0,3%» — нет. Это не твоя слабость. Это первый крючок работает так, как ему положено.

Шаг 2. Алгоритм запоминает, на что ты кликаешь, и подсовывает больше такого. Сначала немного, чтобы проверить. Если ты снова кликнул на «нашли тело» — то на следующий день тебе покажут «нашли тело» в другом городе, потом «полиция расследует серию убийств», потом «эксперт: волна преступности накрывает регионы». Каждый отдельный материал — реальный, не выдуманный. Но из всего, что произошло в мире за день, тебе показали именно эти.

Шаг 3. Через две-три недели лента подталкивает тебя в небольшую субкультуру — людей с похожими страхами, похожим набором тем, похожими ключевыми словами. У этой субкультуры свой словарь («волна»), свои герои (тот, кто «говорит как есть»), свои антигерои (те, кто «всё замалчивает»). Назовём это точно: **субкультура страха**. Дальше в книге это слово встретится не раз — поэтому ниже я остановлюсь на нём отдельно. Алгоритм поощряет тебя там оставаться, потому что там ты вовлечён.

Шаг 4. В реальном мире продолжают происходить события, которые соответствуют картине, накопленной в твоей субкультуре. Это не потому, что в реальности всё так. Это потому, что в реальности всё разное, и из этого «всего» твоя субкультура выбирает только подтверждающие фрагменты. Каждый случай реальный. В сумме они дают картину, не соответствующую статистическому распределению.

Шаг 5. Мозг работает экономно: он не различает воспоминания «я это видел в ленте» и «я этому был свидетелем». Через несколько месяцев тысячи микроэпизодов из ленты и ТВ записаны в долговременной памяти как личный опыт. Ты уверен, что «в моём городе теперь нельзя выходить вечером», хотя в реальности с твоей улицы за два года ничего не случилось. Ты опираешься не на свою улицу — ты опираешься на накопленную в голове базу.

Шаг 6. Confirmation bias делает дело окончательным. Когда ты выходишь в реальный мир, ты замечаешь только то, что подтверждает картину. Один странно одетый человек на улице — подтверждение. Один резкий разговор в магазине — подтверждение. Один заголовок в газете — подтверждение. Тысячи спокойных людей вокруг тебя — невидимы, мозг их не отмечает, потому что они не соответствуют запрошенной картине.

Через год-два жизни в таком режиме реальный мир тебе уже недоступен напрямую. Между тобой и реальностью стоит фильтр — пропускающий одни сигналы и блокирующий другие.

Это уже не убеждение. Убеждение можно изменить за разговор. **Это физическое изменение в том, как твоя нервная система обрабатывает поступающую информацию.**

Это не лечится спором. Это не лечится статистикой. Это даже не лечится приездом в спокойный город — ты увидишь спокойный город и расценишь его как «исключение».

И всё же выход есть. Лечит не отдельная цифра — крючок сильнее любого единичного аргумента. Лечит привычка: если изо дня в день не подкармливать эти паттерны и приучать себя оценивать мир по статистике, а не по ярким случаям, нервная система постепенно перенастраивается обратно. Не сразу. Но тем же механизмом, которым её и сбили.

И вот именно с этим фильтром в голове миллионы людей приходят на выборы.

Они даже не злые

Здесь надо отдельно сказать про журналистов и блогеров — потому что любой разговор про «искажение информационной среды» обычно сводится к «давайте уволим плохих журналистов». А разговор про эмерджентность — он другой.

Журналист в современной развитой стране зарабатывает мало. По данным Bureau of Labor Statistics США за 2024 год, медианная зарплата журналиста — около 60 тысяч долларов в год. В Вашингтоне или Нью-Йорке, где сосредоточено большинство больших изданий, стартовая зарплата начинающего журналиста — около 42 тысяч долларов, при официальном прожиточном минимуме для одного взрослого в этих городах в 60+ тысяч долларов. То есть начинающий журналист в столице США структурно беднее, чем человек на минимальной зарплате в провинции.

Издания, в которых он работает, ведут жестокую борьбу за выживание. С 2000 года в США закрылось около трети газет. Число журналистских мест сократилось примерно на 33%. На то, что осталось, давит алгоритм социальных сетей и рейтинги ТВ: материал, который не цепляет крючки, никто не прочтёт; материал, который цепляет, прочтут миллионы. Поэтому редактор каждый день стоит перед выбором: точная и нудная заметка, которую посмотрят триста человек, или эмоционально окрашенный пересказ конкретного случая, который посмотрят триста тысяч.

Угадай, что он выбирает. И угадай, что выберет его конкурент.

Но есть в этом ещё один поворот, который особенно неприятен. Представь спокойного, ответственного журналиста. Он несколько лет публикует тщательно подготовленные материалы про долгосрочные тренды. Просмотры — нулевые. Никому не интересно. И вот однажды он, плюнув на принципы, делает резкий эмоциональный материал — про какого-то иммигранта, про какого-то политика, про что-то страшное в соседнем районе. И поперло. Миллион просмотров. Лайки. Комментарии. Сообщения от редактора: «отлично, давай ещё».

Что подумает этот человек? Он подумает: «значит, тема важная. Значит, людям это нужно знать. Значит, я делаю важную журналистику». Он не подумает: «значит, у людей сработал крючок свой-чужой». Он не подумает: «значит, я разогрел страх». Он искренне поверит, что нашёл свою тему.

И будет дальше копать в этом направлении. Не из злого умысла. По доказательству от просмотров.

Так среда в индустрии внимания переучивает даже честных людей. Через год такой обратной связи он будет считать себя журналистом, который «не боится говорить правду». И будет считать тех, кто его критикует, — врагами этой правды. Хотя на самом деле он стал инструментом, который разогревает крючки.

Никто из этих журналистов не злодей. Большинство — нормальные люди, многие искренне думают, что делают важную работу. Просто среда устроена так, что выживание издания и личное чувство значимости журналиста требуют играть по правилам индустрии внимания. А правила — три крючка.

Есть, кстати, отдельный механизм, о котором не любят говорить. Press junket — это формализованная практика, когда корпорации, рекламодатели, политические партии и государства организуют для журналистов поездки, мероприятия, еду и дешёвые подарки. Не миллионы. Бутылка вина к Новому году. Бесплатный обед на пресс-конференции. Доступ на закрытое мероприятие. Через год-два у журналиста в голове появляется неосознаваемая склонность не писать про этих людей слишком жёстко. Не потому что его «купили». Потому что человеку трудно бить по тем, с кем он только что обедал. И дело тут не столько в поездках — показательнее еда. Во многих странах, и тем более не в богатых США, а в тех, что побед-

нее, журналисты идут на такие мероприятия буквально за бесплатный обед. Не потому что продажны — а потому что зарабатывают так мало, что обед уже аргумент. Это больше говорит об их нищете, чем об их совести.

В New York Times press junket формально запрещён внутренней редакционной политикой. В большинстве мировых изданий — это нормальная практика.

С блогерами всё ещё прямее. У блогера нет редактора, нет редакционной политики, нет фиксированной зарплаты. У него один источник дохода — вовлечённость аудитории. И с ним работает ровно та же логика «попёрло»: первый эмоциональный материал, который выстрелил, делает блогера. Дальше он будет копать в этом направлении, искренне веря, что нашёл «свою тему».

Поэтому подавляющее большинство популярных политических блогеров структурно едут на одном и том же топливе — на третьем крючке, свой-чужой. Они выбирают себе племя и работают на это племя. «Вот эти — наши, вот эти — враги». Один блогер служит одной субкультуре, другой — другой. Каждый из них рассказывает своей субкультуре истории, которые её разогревают. Сумма — общество, в котором две (или десять) субкультур не разговаривают друг с другом ни о чём.

Это снова не злодейство. Это естественный отбор в среде, где экономика устроена через вовлечённость. Хороший спокойный блогер, рассказывающий со статистикой про долгосрочные тренды, разоряется. Эмоционально вовлекающий блогер, играющий на своих-чужих, зарабатывает. Через несколько лет первый уходит в другую профессию, второй покупает себе дом.

И через все эти каналы — соцсети, ТВ, блогеров — в твою голову поступает картина мира. Та самая картина, с которой ты потом идёшь голосовать.

Субкультуры страха

Я обещал вернуться к этому слову — потому что оно центральное, и его важно не прочитать, а увидеть. Давай на пальцах.

Субкультура страха — это группа людей, которых лента собрала вокруг одной общей тревоги. У каждой свой враг, свой словарь, свои герои. И главное: каждая уверена, что права, а злятся все — на других таких же обычных людей, как они сами.

Смотри, как это работает.

Привитые и непривитые. Во время эпидемии один человек открывает ленту — и видит поток про опасную болезнь и про безответственных, которые отказываются защищать других. Враг — тот, кто не привился. Другой открывает свою ленту — и видит поток про то, как у него отнимают выбор, про побочки, про давление. Враг — тот, кто заставляет колоться. Оба напуганы. Оба уверены, что защищают своих. Оба видят врага в соседе по подъезду. Их не свёл разговор — их развела лента, каждого в свою субкультуру страха.

Местные и приезжие. Один видит в ленте только сюжеты про преступления приезжих — и живёт в мире, где город захватывают чужаки. Другой видит только сюжеты про травлю и нападения на приезжих — и живёт в мире, где кругом озверевшие местные. Обоим страшно. И оба по-своему правы: в каждой ленте каждый отдельный случай реальный. Но мир у них получился разный, и в каждом — свой враг.

Мужчины и женщины. Молодой парень листает ленту, где женщины обвиняют, отбирают, унижают. Девушка листает ленту, где мужчины опасны, токсичны, угрожают. Через год они не могут поговорить друг с другом на свидании — между ними уже стоят две разные субкультуры страха, и каждый видит в другом не человека, а представителя враждебного лагеря.

И апофеоз — сосед, который проголосовал не так. Высшая точка этой машины — когда враг уже не «группа», а конкретный человек. Петя с пятого этажа, с которым ты семь лет здоровался у подъезда. Он проголосовал не за того — и всё, теперь он для тебя не Петя, а «вот из-за таких всё и происходит». Лента довела дробление до предела: ты боишься и злишься уже не на далёкого чужака, а на живого человека через стенку. Который, открыв свою ленту, ровно так же боится и злится на тебя.

И вот что закрепляет каждую субкультуру намертво. У неё всегда есть свои говорящие головы — политики, блогеры, лидеры мнений, — и все они повторяют одно: **«Во всём виноваты ОНИ. Не будь их — мы бы жили в раю».** Они — это другая субкультура. Мигранты. Власть. Оппозиция. Запад. Традиционалисты. Список меняется, припев один. И тут самое смешное — а точнее, самое горькое: **тот «ад», на который показывают пальцем, в большой части создан как раз теми, кто показывает.** Те же люди, что обещают увести тебя из ада в рай, и есть один из главных производителей этого ада — потому что живут они ровно с того, что ты боишься и злишься. Перестанешь бояться — они останутся без работы.

Это и есть субкультуры страха в действии. Не «плохие люди». Хорошие, напуганные люди, которых развели по разные стороны и убедили, что спасение — в победе над соседом.

И таких линий не одна. Мужчины против женщин. Левые против правых. Привитые против непривитых. Местные против приезжих. Городские против сельских. Старые против молодых. Образованные против необразованных. Странники одной партии против сторонников другой — где «они» уже не оппоненты, а враги. Все эти расколы есть почти во всех развитых странах. И все они выросли в разы за последние пятнадцать-двадцать лет — ровно за тот период, когда лента и агрессивный ТВ стали главным источником картины мира. Это не совпадение.

Алгоритм — повторяю ещё раз — не получал задания сеять рознь. Он получал задание удерживать внимание. А внимание лучше всего держит противостояние с враждебным племе-

нем. Алгоритм сам это нащупал, оптимизируясь. И теперь это работает каждый день, в каждой стране, без чьего-либо плана.

И это и есть общество, которое потом приходит на выборы. Не злое — отравленное средой. Не глупое — работающее на устаревшей биологии. Не апатичное — интенсивно занятое внутренней войной по линиям, придуманным не им.

Но я же могу выйти из этого

Можешь.

И вот тут я должен сказать одну важную вещь, прежде чем кто-то начнёт ждать от этой книги советов про цифровой детокс.

Ты можешь лично выйти из ленты. Можешь удалить приложения. Поставить лимиты. Подписаться только на спокойные каналы. Читать книги. Гулять без телефона. Заниматься спортом. Жить в моменте. Это всё работает. Многие так делают, и им становится лучше.

Эта книга — не про это.

Эта книга про то, что личная гигиена внимания не складывается в общественное здоровье.

Даже если ты лично завтра удалишь все приложения и выкинешь смартфон — твой сосед останется в ленте. Твоя мама останется в ленте. Твои дети будут расти в ленте. Десятки миллионов людей в твоей стране останутся в ленте и перед ТВ. И когда наступят следующие выборы, ты — со своей очищенной головой — придёшь на участок и будешь голосовать в обществе, где у девяноста процентов взрослых на головах уже надет сенсорный фильтр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.